

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ARCHIVE MATERIALS

УДК 82

«В ТЕ ДНИ, КОГДА В ПРЕДДВЕРЬЕ “РАЯ...”»: БОРИС САДОВСКОЙ И ЕГО ПОЭМА «ВЕНИАМИН ТЕРНОВСКИЙ»

© Изумрудов Юрий Александрович (2019), orcid.org/0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), izumrud.nnov@mail.ru

В соответствии с планами подготовки полного собрания сочинений Б.А. Садовского автором проводится работа по ознакомлению читателей с ранее неизвестными текстами поэта. В настоящей статье даётся первая публикация поэмы «Вениамин Терновский», относящейся к начальному периоду литературной деятельности Садовского. Предметом исследования выступают творческая история и прототипическая основа данного произведения. Целью статьи является создание подробного комментария к поэме, отражающего ее связь с биографией и с творчеством поэта, а также с пушкинским литературным контекстом. В качестве материала исследования были привлечены рукопись поэмы, мемуары и эпистолярный ее хранитель – московского филолога М.А. Яхонтовой, опубликованные сборники стихов Садовского. Установлено, что прототипами персонажей поэмы стали реальные лица, знакомые Садовскому по «Раю» – Нижегородскому Владимирскому реальному училищу, излюбленному месту молодежи дореволюционных лет. Особую роль среди них для поэта играла Лидия Глазова, которой Садовской посвятил ряд стихотворений. Некоторые из них публикуются впервые. Автор подчеркивает значимость «Вениамина Терновского» для творческого самоопределения Садовского: в поэме проявились такие черты оригинального стиля поэта, как сатирически-пародийный слог, шаржевая манера, гротеск, использование литературной игры и маски. Многочисленные интертекстуальные связи поэмы с «Евгением Онегиным» А.С. Пушкина говорят о внимании Садовского к пушкинскому литературному наследию, интерес к которому стал общей тенденцией культурной жизни рубежа XIX–XX веков. Работа представляет несомненный интерес для исследователей творчества Б.А. Садовского, занимающихся вопросами эстетической эволюции его поэзии, а также для специалистов в области литературного и исторического краеведения.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, собрание сочинений, «Вениамин Терновский», первая публикация, Лидия Глазова, М.А. Яхонтова, дневник Елизаветы Садовской, Званцевы, Анатолий Глазов.

В настоящее время нами разрабатываются планы издания полного собрания сочинений Бориса Александровича Садовского, талантливого писателя Серебряного века, в предреволюционные и первые послереволюционные годы неформального лидера в литературном Нижнем. В подробностях эти планы изложены в специальной статье в Вестнике ННГУ им. Н.И. Лобачевского, где подчеркнута актуальность данного издательского проекта, обозначены его принципы [Иzumудов, 2017]. Представляется важным в деле подготовки полного собрания сочинений Садовского изыскивать ещё не публиковавшиеся его тексты в государственных и частных архивах и знакомить с ними читателей. В настоящее время уже напечатаны неизвестные ранее статьи «Наполеон в русской поэзии» и «Два канцлера», автографы которых хранятся в фондах РГАЛИ, а также письмо Садовского к его сестре Е.А. Садовской из семейной коллекции её внучки Н.А. Яковлевой, интересное в плане понимания творческого мировидения, личностных и мировоззренческих приоритетов автора. Совместно с внучатой племянницей Садовского Е.А. Новиковой осуществлена публикация находящихся в её архиве стихотворений Бориса Александровича, некоторые из которых позже С.В. Шумихин поместит в сборнике нашего автора, вышедшем в серии «Новая библиотека поэта» [Садовской, 2001]. Печатаются также материалы к биографии Садовского, в частности, письма к нему С.М. Городецкого и В.А. Рождественского (из собрания Отдела рукописей РГБ). В дальнейшем мы рассчитываем представить вниманию читателей таланта Садовского и другие его неизвестные тексты.

Здесь же впервые публикуется шуточная поэма Садовского «Вениамин Терновский». Нами уже были подготовлены две статьи о ней: одна помещена в сборнике «Болдинских чтений-2018» [Иzumудов, 2018б], другая — в «Известиях Российской академии наук (Серия литературы и языка)» [Иzumудов, 2018в]. В этих статьях дан анализ поэмы, и всех интересующихся подробностями мы отсылаем к ним.

Рукопись «Вениамина Терновского» сохранилась в домашнем архиве московского филолога, кандидата наук М.А. Яхонтовой, с любезного согласия которой и осуществляется её настоящая публи-

кация. Поэма шуточная, рассчитанная лишь на узкий круг посвященных — друзей, знакомых, родственников — и вовсе не предназначавшаяся для печати, чем и объясняется отсутствие каких-либо сведений о ней как в литературе о Садовском, так и в его фонде в РГАЛИ.

Поэма, написанная онегинской строфой, мастерски варьирует тему знаменитого пушкинского романа в стихах. Отсылка к Пушкину задаётся уже эпиграфом к первой части поэмы. И, конечно же, первой её строфой, где без труда прочитывается парафраза хрестоматийно известных начальных строк восьмой главы «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал ... [Пушкин, 1978, с. 142].

В тексте Садовского говорится о некоем «Рае», сокровенном нижегородском местечке, где находила душевный приют гимназическая и студенческая молодежь города. И именно здесь завязалась послужившая сюжетом поэмы необычайная комическая любовная история, получившая шумный публичный резонанс и в определённой мере ставшая знамением времени (в плане отражения декадентства в судьбах самых разных людей, о чём будет сказано далее): некая возомнившая себя «героиней поэм» Катенька Крюкова в момент сердечного признания Вениамина Терновского в пылу страсти... укусила его руку, а после настояла, чтобы он похитил ее из дома с целью тайного их венчания. И обо всем этом здесь же, во всеуслышание, от самого автора, также завсегдатая «Рая», прозвучала его «онегинская» поэма, сложившаяся буквально за один присест, едва ли не экспромтом.

Интересны вопросы, связанные с прототипической основой произведения. Что такое «Рай» и кто такие Катенька и её избранник? Реальна или вымышлена их фантазмагорическая история? Как понимать «глазовский спектакль» и «Ангела с мечом» и т.д.? Ответить на эти вопросы нам помогли мемуары и эпистолярный фонд автографа поэмы М.А. Яхонтовой. Оказалось, что «Раем» дореволюционная молодежь города называла Нижегородское Владимирское реальное училище (то самое — и это символично для нас, — в стенах которого ныне располагается Институт филологии и журналистики ННГУ, чей печатный орган, собственно, и осуществляет данную —

первую — публикацию «Вениамина Терновского»). В свободное от учебных занятий время его аудитории отдавались для досуга учащимся и их друзьям и знакомым. Устраивались различные игры, празднества, театральные постановки... Всё было очень тепло, искренне, душевно, и добрая молва об училище расходилась по городу. Молодые люди здесь обретали сокровенное общение, дружбу, любовь и, случалось, даже спутника на всю жизнь. Именно здесь, в «Раю», в апреле 1906-го, произошло самое знаменательное событие в жизни будущей матери М.А. Яхонтовой Лидии Глазовой, дочери директора училища, — торжество её

Б.А. Садовской

бракосочетания с Александром Яхонтовым, сыном преподавателя математики этого же учебного заведения. На сохранившихся в альбомах Марины Александровны photographиях этой свадьбы мы видим в многолюдной свите новобрачных и автора «Вениамина Терновского», в роли шафера (снимки эти никогда не публиковались, и мы предлагаем их вниманию читателей нашего журнала).

Герои поэмы Садовского также могли бы справить свадьбу в училищном «Раю». Но склонная к аффектации и экстравагантности Катенька (а она и её избранник — реальные лица, и история их не выдумана) пожелала скрыть от всех, что заключила семейный союз с Терновским, побуждая и того хранить обо всём тайну. «Ломала глупую комедь» (как это с яркой образностью показано в поэме «Вениамин Терновский») — с похищением женихом невесты (хотя, по ироничному замечанию М.А. Яхонтовой, «Капо не у кого было похищать», — ибо та «была совершеннолетней сиротой с приличным состоянием, сама себе хозяйкой», — «никто за ней в Нижний не при-

Торжество бракосочетания Лидии и Александра Яхонтовых.
Во втором ряду третий слева – Б.А. Садовской.
Зал Реального училища. 23 апреля 1906 года

езжал, а, наоборот, “похищенная” сама явилась в Москву к “похитителю”»), венчанием в некоей сельской церквушке и последующем житьём-бытьём новобрачных порознь, на два города, «хотя ничто не мешало им соединиться под общей крышей» [Яхонтова, Архив Изумрудова, с. 6–7].

Новобрачные Л.Д. и А.А. Яхонтовы и их шафера:
Б.А. Садовской, А.Д. Глазов, С.П. Казанский, К.А. Протопопов.
В зале Реального училища

Молодожены Л.Д. и А.А. Яхонтовы

Процитированные выше слова М.А. Яхонтовой взяты нами из её письма племяннице Садовского Анастасии Александровне Новиковой (урожденной Богодуровой), которое представляет собой своеобразный, весьма подробный комментарий к «Вениамину Терновскому», очень умный, содержательный, совершенный в плане языка и стиля. И прежде всего в нем выделяется замечательный по выразительности портрет Катеньки. С глубоким пониманием психологии молодёжи той эпохи передан характер по-своему незаурядной девушки, — увы! — страдающей от своего природного, типично русского обаяния, способного покорять сердца, и нелепо-анекдотично пытающейся соответствовать декадентскому канону женской красоты.

Но вернёмся к началу поэмы Садовского, к его пушкинской парафразе: «В те дни, когда в преддверье “Рая”...» и т. д. Упомянув здесь «Фауста», «Ангела с мечом», «глазовский спектакль», автор имел в виду осуществлённую в 1903 году активистами «райского» сообщества инсценировку оперы Ш. Гуно «Фауст». Гимназистка Лидочка Глазова выступила в ней, в самом финале, в роли ангела с крыльями за спиной, взмахом меча (из картона и фольги) изгонявшего из темницы Фауста и Мефистофеля и склонявшегося затем над лежащей на полу Маргаритой. Садовской тогда был серьёзно увле-

Вениамин Терновский, герой поэмы Б.А. Садовского

чѣн Глазовой, и фаустовский спектакль стал памятен ему именно её участием, почему и назван «глазовским». И сценический образ «ангела с мечом» прочно связался теперь для него с реальным Лидочкиным обликом, вошёл в его мироощущение и творчество. Вот в качестве примера хотя бы этот обращѣнный к Лидии поэтический экспромт, датированный 1 апреля 1904 года (ещѣ не публиковавшийся):

Первоапрельские затеи
Ревниво тайну берегут,
Но рифмы, ямбы и хорей
Всегда поэта выдают.

Они смеются всем усильям,
Нимало тайны не храня...
Как Вас легко узнать по крыльям,
По рифме узнают меня
[Садовской, Архив Яхонтовой, с. 4].

Или стихи уже иного склада, мадригально-элегические, и также из неопубликованных (недатированные, но примерно этого же времени):

Тень ангела прошла с величием царицы:
В ней были мрак и свет в одно виденье слиты.
Я видел темные, стыдливые ресницы,
Приподнятую бровь и бледные ланиты...
И с гордой кротостью уста её молчали;
И мнилось, если б вдруг они заговорили,
Так много бы прекрасного сказали,
Так много бы высокого открыли,
Что и самой бы стало ей невольно
И грустно, и смешно, тягостно, и больно.

Как воплощённое страдание поэта,
Она прошла в толпе с величием смиренья;
Я проводил её глазами без привета
И без восторженных похвал, и без моления.
С благословением уста мои молчали,
Но если б как-нибудь они заговорили,
Так много бы безумного сказали,
Так много бы сердечных язв раскрыли,
Что самому мне стало б вдруг невольно
И стыдно, и смешно, и тягостно, и больно
[Садовской, Архив Яхонтовой, с. 2–3].

В свете вышеизложенного символичным представляется, что одно из самых последних известных нам стихотворений Садовского, написанное за три года до смерти (в 1949-ом), — опять же, по-прежнему, об ангельском образе той, уже из далекого прошлого, гимназистки Лидии [Яхонтова, Архив Изумрудова, с. 8].¹⁰ И как тут не подумать, что именно с мыслью об этом, из юности, «ангеле с мечом» Садовским подводился итог творческого пути...

Ну, а публикуемая нами поэма «Вениамин Терновский» — у истоков этого пути. Правда, Садовской стал сочинять стихи ещё в 1890-е, а в 1901-ом состоялся его поэтический дебют — балладой «Иоанн Грозный» в нижегородской газете «Волгарь», но по-настоящему

¹⁰ См.: Приложение 1.

осознание творческого призвания пришло к нему именно в год написания «Вениамина Терновского». В марте 1904-го сам Брюсов (!), мэтр и маг, пригласил никому тогда неведомого в литературном мире студента Садовского в качестве постоянного сотрудника в журнал «Весы», во многом определивший судьбы Серебряного века. И тот буквально на следующий день после этого знаменательного приглашения извещает о нём письмом сестру Елизавету, посетительницу «Рая», а через неё, естественно, и все «райское» сообщество...

В брюсовском журнале Садовского узнала вся пишущая и читающая Россия. В своих мемуарах конца тридцатых годов он заметит: «Лично для меня “Весы” явились превосходной школой, довоспитавшей литературные мои задатки и давшей им нормальное развитие» [Садовской, 1993, с. 37]. И знаменательно, что именно в завершавший «весовскую» историю 1909 год, как бы с благословения этого журнала, Садовской издаст свой первый сборник «Позднее утро». И в нём будет стихотворение об «ангеле с мечом», которое, уже с непосредственным посвящением Л.Д. Глазовой, войдёт в самую объёмную и масштабную книгу лирики нашего автора «Полдень» (1915) – его избранное за десятилетие творческого труда... И открыто, торжественно-возвышенно прозвучит имя Музы Садовского, ведомое до этого только дружескому кругу, страницам домашних альбомов. Вот венчавшие это стихотворение строки:

Под белой ангельской одеждой,
В расцвете утренних лучей,
Она прекрасна, как надежда,
Надежда новых лучших дней
[Садовской, 1915, с. 271].

Поэма «Вениамин Терновский», поэма о времени этих надежд (а в ней, отметим, автор вывел и себя среди персонажей), оказывалась уже и текстуально, содержательно связанной с «Весами».

И, кстати будет подчеркнуть, в «Весях» (да и не только), словом, в большом литературном мире, Садовской особенно прославится тем, чем, в частности, озаменовался «Вениамин Терновский», – сатирически-пародийным слогом, шаржевой манерой, гротеском, разного рода литературными розыгрышами и масками. А от всего перечисленного прямая дорога вела к знаменитым мистификациям Садовского, ставшим классикой этого жанра.

Публикуя поэму «Вениамин Терновский», мы исходим из того, что она представляет несомненный интерес для всех интересующихся отечественной культурой. Во-первых, поэма расширяет наши знания о творческой эволюции Садовского, и прежде всего о наименее изученном раннем её этапе, о факторах, влиявших на становление художнической индивидуальности автора. И во-вторых, открываются новые возможности для проведения краеведческих исследований. Так, осмысление прототипической основы «Вениамина Терновского» важно в плане познания неизвестных пока нам аспектов истории Нижегородского Владимирского реального училища, в частности, его своеобразного молодёжного клуба и роли в нем Бориса Садовского.

«Вениамин Терновский»

Песня первая

Кругла, красна лицом она
Как эта глупая луна,
На этом глупом небосклоне!¹¹

Пушкин

I
В те дни, когда в преддверье «Рая»
Вступал я робким новичком
И звукам «Фауста»¹² внимая,
Увидел «Ангела с мечом», —
Когда на глазовском спектакле
Я разгорелся ярче пакли
И вдохновенный мадригал
В воображении слагал, —
Тогда, в тот вечер незабвенный,
Производил фурор один
Наш «Мефистофель» — Веньямин:
Пел, как Шаляпин вдохновенный,
И был усердно, как и он,
Аплодисментами почтён.

¹¹ Строки из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [Пушкин, 1978, с. 51].

¹² См.: Приложение 2.

II

Но ни Кирилл, ни хват-Джунковский,
Ни Докучаев с Зиминим,
Ни Мензелинцев¹³, ни Садовский¹⁴
Не так пленились страстно им.
Мне даже помнится, сам Званцев¹⁵
О нем забыл к началу танцев,
И, потирая красный нос,
Тряся копной густых волос,
Сам Алкоголик-Анатолий¹⁶
Увлёкся водкой наконец.
Одно лишь сердце мой певец
Растрогал пением до боли:
Лишь Катя Крюкова одна
Была навеки пленена.

III

Четыре дня она очнуться
От впечатлений не могла.
Закроет очи — звуки льются...
Вот: «Вспомни дни, как ты была»...
О, эти звуки, море звуков —
Сгубили вы Катрин де-Крюков!
В мозгу красотики заведён
Гремящий басом граммофон.
Он день и ночь гудит исправно,
Гуляет ли она, сидит,
Пьёт чай, мечтает или спит,
Иль подле Юльи Николавы¹⁷

¹³ Реальные лица, участники «райского» сообщества. О них мы не располагаем никакой информацией, ни печатной, ни архивной. Лишь в дневнике Елизаветы Садовской есть некоторые сведения о них (за исключением Докучаева), в основном имеющие отношение к кругу знакомств этой девушки. В дневнике эти лица представлены так: Кирилл Протопопов, офицер Джунковский, Сашка Мензелинцев, Ал. Ив. Зимин.

¹⁴ Б.А. Садовской, автор поэмы «Вениамин Терновский». Садовский — его настоящая фамилия, Садовской — литературный псевдоним.

¹⁵ См.: Приложение 3.

¹⁶ См.: Приложение 4.

Сидит с румянцем на щеках,
С притворной скромностью в очах.

IV

Она влюбилась — нет сомненья!
А что же сам Вениамин?
Друзья, прошу у вас прощенья
За пестроту моих картин:
Я не представил вас герою,
Но это я сейчас устрою, —
Вот точный вам его портрет:
По шевелюре он — поэт;
По глотке — бас, в заплывших глазках
Недоуменье; сонный взор.
Таков великий наш актер.
Портрет написан в серых красках,
Зато по сходству вышел чист:
Я в этом смысле реалист.

V

Назвавши Катю, было б лишне
Писать о глазках, о челе, —
Она была подобна вишне
Или вишневому желе.
Рисуя с Катеньки картину,
Я мог бы подложить кармину
Иль взять кровавый колорит
(Карелин¹⁸ так писать велит),
Да я боюсь испортить тему:
Я отвлекаюсь чересчур,
Эподами моих натур
Боюсь загромоздить поэму,
А кончить надобно скорей,
Не то затянется, ей-ей.

¹⁷ Юлия Николаевна Глазова, бабушка М.А. Яхонтовой.

¹⁸ См.: Приложение 5.

VI

Терновский наш минувшим летом
Был приглашен в деревню, в дом
Своим товарищем-поэтом,
Известным оперным певцом.
То Тенор был – краса Тифлиса.
Худой, проворный, точно крыса,
Он, несмотря на малый рост,
Теперь высокий занял пост,
И, став отважным офицером,
Границы русские хранит,
Японцам издали грозит
И служит доблести примером¹⁹,
Не так как брат его большой
С ленивой, барственной душой²⁰.

VII

И в арзамасские болота
Летит стрелой Вениамин.
В душе – товарищ, в мыслях – ноты,
А в сердце – Крюкова Катрин.
Вот наконец он подъезжает,
Его хозяева встречают,
Он входит... Боже мой!.. в дверях
Он видит... нет... не верю. Ах!!!
Она, потупясь и пылая,
Стоит, – прелестна, как цветок,
Как первый с грядки артишок,
Как в кухне свекла молодая
Иль как заманчивый графин,
В который влит абрикотин.

¹⁹ См.: Приложение 6.

²⁰ Александр Алавердиевич Богодуров (1873–1952). По характеру был полная противоположность своему брату. О судьбе А.А. Богодурова можно прочитать в книге арзамасского писателя В.М. Панкратова «Исповедь интеллигента» [Панкратов, 2016]. Александр Алавердиевич был женат на сестре Бориса Садовского Наталье. Занимался краеведческой работой. Встречался и переписывался с М. Горьким, опубликовал воспоминания о нём.

VIII

Гостеприимная хозяйка
Спешит неловкость прекратить:
Герою щей дается шайка,
Ему спешат вина налить.
Но больше кушанья и водки
Его влекут глаза красотки,
Он пожирает вместо щей
Ее движенья, взор очей.
Тут даже Тенор наш с супругой
Уразумели дух его.
Он понял друга своего,
Она – любитесь подругой.
И оба думают о них:
«Вот нашей Катеньке жених!»

Песнь вторая

Ласк холодных поцелуя
Без огня я не терплю.
Цыганская песня.

I

Так дни блаженные проходят.
В имени Тенора глухом
Вениамин с Капшой бродят,
Фиалки ищут за холмом,
Плетут венки, овечек глядят,
Порой дуэты вместе ладят,
Пластинки крутят иногда.
Когда ж вечерняя звезда
Блеснет на синем небосклоне,
И, поднимаясь за рекой,
Заблещет месяц золотой,
Герой и Катя на балконе
Степенно рядышком сидят
И о Чайковском говорят.

II

А Тенор между тем с женою
Все ждут помолвки каждый день.
Но дни несутся чередою, —
За жарким утром ночи тень
Дарит прохладные лобзанья,
А до сих пор еще признанья
Они не слышали от них.
Безмолвен будущий жених,
Лишь с каждым днем румяней дева:
То улыбнется, то вздохнет,
То потихоньку слезы льет,
То иногда, как бы от гнева
Иль от неслышанной тоски
Сжимает яростно зубки.

III

И вот — тот час, что долго ждали,
Вдруг неожиданно настал.
В своей столовой на рояле
Хозяин вечером играл.
С чулком в руках, к плечу супруга
Склонилась верная подруга,
А рядом, в комнате пустой,
Сидели Катя и герой.
Их разговор лился несвязный,
Как вдруг во тьме, в тиши ночной,
Пронесся дикий, страшный вой,
И чей-то хохот безобразный,
Нарушив дерзко тишину,
Спугнул за облако луну.

IV

И все кругом оцепенели:
Трясутся пол и потолки,
С рояля ноты полетели,
С окна попадали цветки.
Услыша вопль громоподобный,
В селе собаки взвыли злобно.

Хозяин, чуть шатаясь, встал,
Едва супругу поддержал
И собрался уже в смятении
Послать скорей за становым.
Вдруг слышит он — шаги за ним,
И в то же самое мгновение,
Сверкая пламенем очей,
Терновский вышел из дверей.

V

Его лицо, как газ, светилось;
Он руку на весу держал,
По ней ручьями кровь струилась,
Он тихо, нежно застонал.
Но в этом стоне было счастье:
Терновский, упоенный страстью,
Узнал: он Катенькой любим,
Ему признался херувим.
Она... но тут я буду краток,
Сказав: была его рука
У кисти сломана слегка
И сохраняла отпечаток
Сверкающих зубов Катрин, —
Укушен был Вениамин!

VI

За ним проворною походкой
Впорхнула Катенька вослед.
Ее уста смеялись кротко,
Но сохраняли страшный след,
Обагрены горячей кровью,
А сердце, полное любовью,
Стремилось радостно к нему.
Тогда к герою моему
Идет хозяин с поздравленьем,
Хозяйка нежно говорит:
«Пусть бог вас, дети, наградит!»
И пред иконой с умиленьем,
Устроив бинт из полотна,
Стоят Терновский — и Она.

Песнь третья

I

Итак, любовь их стала явна.
Все то, о чем я вам пою,
Узнали Юлья Николавна
И все бывавшие в «Раю».
Но тщетно ждали объявления.
Пришла и осень — с ней ученье.
Все разлетелись по местам,
Один уж здесь, а этот там.
Стал Алкоголик важной птицей —
В столоначальники попал,
Кирилл студентом щеголял,
Стал Шура²¹ ставить единицы,
Борис Садовский, сббив усы,
Умчался наскоро в «Весь».

II

А что ж Вениамин Терновский?
Успешно руку залечив,
Он обыватель стал московский,
Живет спокоен и счастлив.
Квартиру сняв в пустом амбаре,
Бренчит под вечер на гитаре,
На службу ходит по утрам
И в оперу по вечерам;
Исправен: в рот ни-ни хмельного;
В Пробирную Палату он
Был контролёром помещен,
В преемники Козьмы Пруtkова,
Который, как известно нам,
Служил в Палате этой сам.

²¹ Александр Александрович Яхонтов, жених и будущий муж Лидии Глазовой. После окончания отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета Яхонтов с 1904 г. учительствовал в одной из нижегородских гимназий.

III

Однажды он, с тоской во взорах,
Сидел, задумавшись, один.
Но вот шаги и нежный шорох...
Пред ним стоит его Катрин.
Пошли объятья, слезы, ласки.
Затем, потупя скромно глазки
И вид таинственный храня,
Лепечет Катя: «Ты меня
Похитить должен. Понимаешь?
Мы обвенчаемся тайком». —
«Но для чего же?» — «Ах, о том
Ты после от меня узнаешь.
Так надо! Да — я так хочу!
Пойми, пойми — я не шучу!»

IV

«Ну, если хочешь, я пожалуй».
И тут от радости она
Мгновенно стала ярко-алой,
Как восходящая луна.
Она героя обнимает,
План похищенья назначает,
И точно: на другой же день,
В одной из ближних деревень
Свершилось таинство их брака,
А к вечеру, презрев любовь,
Она умчалась в Нижний вновь,
И Венямин, под кровом мрака,
Один остался, горделив,
Спокоен, важен и счастлив.

V

Почти три месяца промчались
С минуты брака роковой.
Мои супруги не видались,
Никто не знал о тайне той.
Но надо ж было так случиться,
Что Венямину в полк явиться
Был строгий передан приказ.

Все кончено! О, горький час!
Открыть придется похищенье.
Не в силах Катя горе снести, —
Узнав предательскую весть,
Она, зардевшись, как варенье,
Дюшесы в тряпочку вертит
И к Митрофановой летит.

VI

И там, дюшесы уплетая,
Подруге с плачем говорит:
«Открылась тайна роковая,
Какой позор! Позор и стыд!
От пошлой прозы и от горя
Хочу я прыгнуть в бездну моря.
Ты знаешь, от тебя одной
Я не скрывала тайны той,
Ты мне дороже всех на свете.
Нам дела нет до остальных —
Пусть проза гнусной жизни их
Потонет в преисподней Лете,
А я... я рождена затем,
Чтоб героиней быть поэм!»

VII

Друзья, чтоб рассказать короче,
Я сокращаю песнь мою.
Катрин, потупив скромно очи,
Открыла истину в «Раю».
Ну что ж? — мне молвят с интересом,
Ужель роману и дюшесам
Вы полагаете конец?
А как же Катя и певец?
Что было им за похищенье?
И чем окончилось оно?
Или вам это все равно?
К чему ж мутить воображенье
Стряпнёй рифмованной своей?
Да говорите же скорей!

VIII

Друзья — на это отвечаю, —
Ей-богу, я не виноват.
Пишу я только то, что знаю,
И чем богат я, тем и рад.
Моя ль вина, что так случилось,
Что Катя Крюкова влюбилась
И неуклюже, как медведь,
Ломала глупую комедь:
К лицу ль ей думать об амурах?
И вот — приходится признать,
Что Катя... как бы вам сказать...
Осталась... не скажу, чтоб в дурах,
Но в странном этом тет-а-тет
Претензий много, смысла нет.

19–21 декабря, 1904 г.

Н-Новгород.

*Борис Садовский.*²²

Приложения

1. В архиве М.А. Яхонтовой, помимо вышеотмеченных, сохранились и другие ранние стихотворения Б. Садовского, навеянные его Музой — Лидией Глазовой. Приведём их здесь для полноты раскрытия темы.

1.

Песня

Ох ты, сердце моё, сердце бедное, —
Уж чего-ли тебе, сердце, надобно?
Что ты бьешься всё да ноешь, горемычное!..
На роду мне, видно, маяться написано:
Целый день всё вижу очи, очи ясные,
Целый день всё слышу голос, голос ласковый.
Зазнобили очи сердце моё буйное,
Полонил тот голос душу молодецкую.

²² Таковы датировка и подпись в автографе.

Да другую только любит красна девица,
И кручинюсь я, удалый добрый молодец,
Не залить тоску в кружале зеленым вином,
Не размыкать злое горе брагой хмельною...
20 дек. 1902.

2.

Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

Фет

В ней — весенних звёзд мерцанье,
Зорь задумчивых сиянье,
Кроткий свет луны,
Волн вечерних нежный ропот,
Летний ночи сонный шёпот.
Тайный вздох весны.

Вся она — восторга слёзы,
Тихий лепет спящей розы,
Аромат цветов,
Юга тёплое дыханье.
Робких листьев трепетанье,
Грёзы соловьёв...

Грусть вечерней синей дали,
Поэтической печали
Светится мечта,
Неземное вдохновенье,
Идеала откровенье,
Неба красота.

27 августа 1903.

Н.

3.

Жизнь и сердце

Как спелый плод на ветке молодой,
Восторг цветёт и крепнет в сердце юном.
Но жизни зов — и властный, и густой —
Поёт не в лад дрожащим сердца струнам.

Блаженны те, кто колокола звон
И пенье струн взаимно соглашает.
Для них вся жизнь — спокойный светлый сон,
Их скорби тень коснуться не дерзает.

Но жалок тот, в ком сердце говорит,
Чью душу жизнь призывом не тревожит.
Он целый век томится и горит,
И догореть хотел бы, да не может

[Садовской, Архив Яхонтовой, с. 1, 6, 7].

17 авг. 1903.

Н.Н.

2. Постановка «Фауста» стала явлением неслучайным на любительской сцене Нижнего Новгорода в начале XX века. К фаустовской теме у нижегородцев был несомненный интерес, немало стимулировавшийся участием Ф.И. Шаляпина в представлениях оперы Гуно в городском театре. Означенная тема отразилась в насыщенном широким событийным материалом дневнике сестры Садовского Елизаветы Садовской. Читаем в записи от 10 апреля 1903 года: «Вечером были с Караваевым в ложе на “Фаусте”» [Садовская, Дневник 1899–1903, с. 289]. Подруга Елизаветы, также посетительница «Рая», замечательно умная, обаятельная Ольга Чубарова (знакомством с которой автор «Вениамина Терновского» особо дорожил и которую однажды символически показал в своеобразном едином, нераздельном с Лидией Глазовой образе: «А я обеих вас любил / Любовью искренней и нежной, / И в жизни образ ваш светил / Мне, как маяк в дали безбрежной» [Садовской, 2010, с. 428]) так писала Садовскому в апреле 1903-го: «Достала себе “Фауста” Гёте. Раньше я знала его только по опере и то в русском переводе. Но в подлиннике это такая вещь, что оторваться нельзя. Она подымает как-то человека, захватывает его и уносит выше мелочей шаблонной жизни. В “Фаусте” я вижу ответы на многие мучительные вопросы и встречаю такие стихи, такую поэзию, выше которой ничего не читала, ничего не знаю. Одним словом, “Фауст” стал для меня священной книгой, перед которой померкли и даже совсем исчезли прежние любимые писатели. Вы, вероятно, удивитесь, думая, что я изменила своему Гоголю. Нет, я ему не изменила, только все-таки должна сказать, что “Фауст” выше гоголевских произведений. Ведь Фауст — это не один какой-то

человек, это все люди. Это Вы, я и многие. Фауст постоянно ищет высшего, ему хочется постигнуть все тайны природы, выхода из его положения нет. Он сам видит, как обманывались люди перед ним, и не хочет идти по их следам. Остается один исход — знакомство с духами. Вы скажете, что, может это старо, что смешно говорить о Фаусте в XX веке. Но ведь идея “Фауста” бесконечна. Фауст будет в XXI веке и даже в XXV веке. Тип Фауста не умрет, он, может, примет образ байроновского “Манфреда” или еще что-нибудь новое, но жить он будет до тех пор, пока живут люди. И каким жалким и глупеньким кажется пушкинский Мефистофель в так наз. “Сцене из Фауста” в сравнении с этой гигантской фигурой Мефистофеля. Какой глупой пародией кажется опера Гуно, построенная на каких-то обрывках великой драмы...” [Садовской, 2010, с. 424–425].

3. Представитель известной нижегородской фамилии Петр Николаевич Званцев (1863–1908), по матери, Екатерине Николаевне, внук знаменитого русского журналиста, писателя, литературного критика Н.А. Полевого. Он, «хотя непосредственно не был связан с искусством (помещик, член Нижегородской земской управы, коллежский советник), по семейной традиции передал своим детям любовь к музыке, театру, литературе. Детей у Петра Николаевича было 8. Среди них врачи, юристы, актеры, журналисты. Один из его сыновей, Михаил Петрович Званцев (1902 – 1977; главный художник Горьковской студии телевидения, писатель-искусствовед. – Ю.И.), в своих воспоминаниях писал: “Отец был первым человеком, приобщившим меня к искусству – каждое утро, перед тем как поехать на службу, он занимался со мной. Собственно, занятия заключались в пении оперных арий и рассказах о театре, о дяде Коле, его жене – певице Петровой-Званцевой, о моей тетке Елизавете Николаевне – художнице. Отец обожал их не только как родных, но главное – за то, что они были людьми искусства, а искусство для него, в любых его проявлениях, было самым привлекательным в жизни...”» [Страницы родословной Званцевых]. Упомянутый выше дядя Коля – Николай Николаевич Званцев (1870-1923), даровитый театральный режиссёр, ценимый специалистами, преподаватель консерватории в Москве. Он «был женат на известной певице Вере Николаевне Петровой-Званцевой. Она обладала прекрасным меццо-сопрано, умела, как отмечали современники, исключительно входить в образ. Ее называли “Шаляпин в юбке”. Музыкальный критик Сахновский

вспоминал, как в 1908 г. на первой репетиции в Бетховенском зале прекрасный оркестр Берлинской филармонии при выступлении Веры Николаевны растерялся. Виолончелисты, сидевшие перед дирижерским пультом, перестали играть. “Мы никогда не слышали такой певицы! Нечто невероятное!”» [Страницы родословной Званцевых]. И тетка-художница, Елизавета Николаевна Званцева (1864–1921), – примечательнейшая фигура в культурной жизни как Нижнего, так и обеих столиц. Ученица и муза великого Репина, адресат его многочисленных писем – о жизни и любви, искусстве и призвании. Основатель и руководитель художественных школ в Москве (1899–1906) и С.-Петербурге (1906–1916), где преподавали, в частности, К.А. Коровин, В.А. Серов, М.В. Добужинский, К.С. Петров-Водкин, Л.С. Бакст. Полагаем, в школе Званцевой, у Коровина и Серова, брала уроки мастерства талантливая художница-график Ольга Павловна Михайлова, высоко ценимая Садовским (к сожалению, о ней сейчас ничего почти неизвестно). Вот как последний аттестовал её в письме сестре Елизавете (та занесла это письмо в свой дневник): «Недавно получил в подарок рисунок красками от одной барышни, любимой ученицы самого Коровина, – её рисунки видел Серов и одобрил, – она мне предлагала на выбор 3 рисунка – все в строго декадентском стиле; я взял один, который покажу тебе по приезду. Теперь она пишет иллюстрации к Бальмонту. Это наша нижегородка – дочь П.П. Михайлова, Ольга Павловна. Девушка, для которой вся жизнь сосредоточена в искусстве и которая только и живет в мире красок. Страстная поклонница Бальмонта, в высшей степени симпатичная и чистая душа. Тебе следует с ней познакомиться...» [Изумрудов, 2018а, с. 224–225].

В дневнике Елизаветы Садовской Званцевы часто упоминаются. Елизавета и её друзья запросто бывают в гостях в доме Петра Николаевича, весело, с интересом проводят время, мечтают о сокровенном. Петр Николаевич мог по-свойски, доверительно обращаться с письмом к Елизавете и сестре её Наталье от имени и по поручению своей дочери. И письмо это Елизавета сохранила в своём дневнике. А однажды всё «райское» сообщество с восторгом внимало вокальному искусству несравненной Петровой-Званцевой. «Чудо как пела! Я ещё никогда не слышала такого пения» [Садовская, Дневник 1899–1903, с. 271], – записала в дневнике Елизавета Садовская. И, конечно же, все – друзья, знакомые – близко к сердцу приняли тра-

гедию в семействе Петра Николаевича – безвременную кончину дочери Елизаветы. Вот что написал в связи с этим автору цитируемого нами дневника дядя Илья Александрович Садовский: «Как жаль бедную Лизу Званцеву, какая она была способная и с какими хорошими взглядами! Не достанешь-ли её стихотворение на тему “о весне”? оно настолько, помню, содержательно, что одно стоит целой книги современных поэтиков» [Садовская, Дневник 1904–1905, с. 190].

4. Анатолий Глазов, старший брат Лидии Глазовой. Алкоголик – дружеское прозвище его, хотя особой склонности к спиртному у него не было. В мемуарах М.А. Яхонтова даёт обстоятельный портрет его, рассказывает, как сложилась его судьба. После окончания нижегородской гимназии (где он, кстати, был соучеником будущего Лидочкиного мужа Александра Яхонтова) Анатолий уехал учиться в Петербургский университет, получил специальность юриста и хорошо оплачиваемую чиновничью должность в столице. В дальнейшем состоял на государственной службе в Думе и в Учредительном собрании при Керенском. Женой Анатолия стала родовитая дворянка из «рюриковичей» – княжна Всеволожская, потомок великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. После октября 1917-го Анатолий Глазов – в эмиграции, сначала в Стамбуле, потом в Париже. Применения своим знаниям и опыту там не нашёл и, по сути, жил на иждивении жены, сумевшей открыть свой, пусть и небольшой модельный бизнес. Умер в 1940 г. от инфаркта, вызванного сильнейшими переживаниями в связи с гитлеровской оккупацией Парижа. Анатолию Глазову, в период его студенчества, немало страниц в своем дневнике посвятила сестра Бориса Садовского Елизавета. Случилась так, что она даже не в шутку им увлеклась. И переписанное ею в дневник следующее письмо Анатолия небезынтересно будет привести здесь, в связи с пушкинским контекстом поэмы «Вениамин Терновский»:

«Москва. 20 января 1903 г.

Я был очень тронут Вашим письмом, которое я получил тотчас же по моём приезде в Москву. Всё оно проникнуто милой и тёплой доверчивостью, какую я встречаю в первый раз. Вы напрасно упрекаете меня в том, что мне нет «до Вас дела», – это Лидия говорила неправду. <...> Я не хочу больше оправдываться перед Вами, так как я не чувствую себя виноватым. <...> В одном, может быть, Вы

правы, и то вовсе не по той причине, какую предполагаете Вы, — это в том, то я позволил себе держаться с Вами иначе, чем это следовало, — и вот почему: Вы знаете, что я люблю Вас. Ваше же чувство ко мне прямо меня умиляет и приводит в восхищение. Вы такая доверчивая, нежная. Как-то детски-ясная натура, — и я с сомнением спрашиваю себя, могу ли я отвечать Вам таким же чувством. Мне очень тяжело сказать Вам это, но я скажу прямо: нет, я не могу. Я уже столько испытал, пережил, столько видел и перенёс, что чувства мои притупились и стали менее восприимчивы ко всему хорошему. Вы считаете меня добрым человеком: боюсь, что Вы ошибаетесь, да и вообще я далеко не совершенство и в этом отношении являюсь прямой противоположностью Вам. В ответ на Ваше чистое, полное чувство, которым дарите Вы меня, — я могу лишь ответить чувством любви и дружбы, увы, не первой молодости и не столь трепетным, как Ваше. Что делать, старого не воротишь и поправить все ошибки и грехи прошлого слишком трудно. Может быть, я рисовался перед Вами, — в таком случае считаю своим долгом разочаровать Вас в себе и разрушить тот призрачный ореол, которым Вы, кажется, окружили меня. Повторяю, что Ваше чувство трогает меня до слёз и подкрепляет моё всегдашнее убеждение, что свет не без добрых, хороших людей. Боюсь, что не могу отвечать таким же чистым, идеальным чувством на Вашу любовь, но она открыла мне в Вас массу таких совершенств, что я преклоняюсь перед Вами и жалею, что так скоро и безрассудно истратил чистое чувство, которым так полны Вы. До свидания, милый друг! Всего хорошего!

Ваш А. Глазов» [Садовская, Дневник 1899–1903, с. 239–240].

Вслед за этим в дневнике — примечательный комментарий Елизаветы: «Я получила письмо и залилась горькими слезами. Оно мне показалось ужасным. Но потом, когда я его хорошенько прочитала, то успокоилось. В общем: письмо Онегина к Татьяне» [Садовская, Дневник 1899–1903, с. 241].

Письмо Анатолия Глазова к Елизавете Садовской приходится как раз на ту пору, когда разворачивалось действие «Вениамина Терновского». Символична тут «онегинская» переключка этих двух документов времени. Пушкинское как бы витает в воздухе, входит в плоть и кровь русских людей, побуждает их к соответствующим мыслям, поступкам. Всё это как нельзя убедительнее показывает, что Пушкин гением своим выразил сущностные формы русского

бытия, русской культуры. Так, экспромтный замысел начинающего литератора Садовского, прирожденного остролова, — легким, непринуждённым стихом поведать о комически необычайной любовной истории, случившейся в кругу его знакомцев по «райскому» сообществу, — невольно «откликнулся» и строфикой, и образностью великого пушкинского романа. А никакой не литератор студент-юрист Глазов письмо к предмету любви своей пишет, как Онегин, немало об этом литературном персонаже и не думая... Дневник Елизаветы Садовской в этом плане может явить нам и иные «онегинские» примеры.

5. Андрей Осипович Карелин (1837–1906) — нижегородский фотограф, живописец; придерживался приемов академической эстетики. Свыше тридцати лет вел занятия в вечерней школе рисунка и живописи, давал бесплатные уроки желающим, в том числе Елизавете Садовской. Она часто упоминает о нем в дневнике; вот самая интересная для нас запись от 6 марта 1903 года: «Карелин сказал сегодня, что, видно, я умею рисовать. Я ужасно рада» [Садовская, Дневник 1899 — 1903, с. 273].

Борис Садовской, отдавая должное заслугам Карелина, тем не менее, как участник модернистского движения эпохи, несколько критично относился к основам его искусства. Своё мнение о Карелине — и это представляется нам символичным — он выразил всё в том же письме сестре Елизавете, где он пишет и о брюсовском приглашении, и об Ольге Михайловой. Его отзыв о последней, процитированный выше, заключался советом сестре с ней познакомиться. Меж тем далее у Садовского следует многозначительная оговорка: «...хотя, как художницы, Вы стоите на разных точках, — и она смеётся над “фиолетовыми лицами” карелинских портретов» [Изумрудов, 2018a, с. 225].

Но, как бы то ни было, обучение у Карелина немало способствовало раскрытию художнических способностей Елизаветы Садовской. Главное, что вынесла она из уроков нижегородского мастера, — уверенность в своих силах и стремление продолжать занятия живописью. Появилось стойкое желание пройти специальный курс в московском Строгановском художественно-промышленном училище. К сожалению, в силу целого ряда объективных причин этому не суждено было случиться.

6. Всеволод Алавердиевич Багадуров (1878–1954; именно таково традиционное написание фамилии его, в отличие от брата Александра Алавердиевича Богодурова, также упоминаемого в поэме Садовского). Уроженец Нижнего Новгорода. Стал известным человеком в музыкальном мире. Вот что читаем о нём в «Музыкальной энциклопедии»: «Советский музыковед, певец и композитор. Доктор искусствоведения (1940). В 1901 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1906–11 гг. учился у Г.Э. Конюса, Б.Л. Яворского (композиция) и у Н.И. Сперанского, В.С. Тюпюнника, Н.П. Миллера (пение). Пел на сцене оперного театра в Тбилиси (1904–05), выступал как музыкальный критик в газете “Нижегородский листок” (1908–14). В 1921–31 гг. науч. сотрудник и действительный член ГИМНа (Москва). Работал старшим научным сотрудником Института художественного воспитания Академии педагогических наук РСФСР. С 1922 г. вёл в Московской консерватории курс истории вокальной педагогики, с 1940 г. профессор. Основной круг научных работ Багадурова – вопросы истории и методики вокального искусства. Ему принадлежат редакции вокальных сочинений Г. Берлиоза, Ж. Бизе, Р. Вагнера, Й. Гайдна, К. Сен-Санса, Р. Шумана» [Багадуров, 1973–1982]. О В.А. Багадурове очень интересно, талантливо, обстоятельно написала в своих мемуарах М.А. Яхонтова. По материнской линии Багадуров был потомком знаменитого архитектора В.И. Баженова, в багадуровской семье хранился писанный масляными красками портрет Баженова. В 1902 году Багадуров женился на сестре Лидии Глазовой Наталье. В поэме Садовского она также среди персонажей – «гостеприимная хозяйка». У четы Багадуровых в 30 км. от Арзамаса было небольшое имение (называемое «хутор»), используемое для летнего отдыха. Именно здесь и произошло объяснение Катеньки и её суженого Терновского. В русско-японскую войну Багадурова как офицера запаса мобилизовали в армию, однако в связи с окончанием боевых действий на фронт он так и не попал, остался на своем хуторе (по остроумной обмолвке Садовского, «японцам издали грозит»). Сын Всеволода и Натальи – Георгий (по-домашнему Гуля) был женат на Нине Кашиной, дочери Лидии Ивановны Кашиной – одного из прототипов Анны Снегиной в одноименной поэме Сергея Есенина. Нина всю жизнь прожила в семье Багадуровых, даже когда развелась с мужем Георгием.

Источники

1. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 5. – Ленинград: Наука, 1978. С. 5–184.
2. *Садовская Е.А.* Дневник. 1899–1903 // Архив Н.А. Яковлевой. – 314 с.
3. *Садовская Е.А.* Дневник. 1904–1905 // Архив Н.А. Яковлевой. – 225 с.
4. *Садовской Б.А.* «Весы» (Воспоминания сотрудника) // Минувшее: Исторический альманах. – Вып. 13. – Москва; Санкт-Петербург: Atheneum: Феникс, 1993. – С. 7–53.
5. *Садовской Б.А.* Морозные узоры: Стихотворения и письма. – Москва: Водолей, 2010. – 568 с.
6. *Садовской Б.А.* Полдень. – Петроград: Лукоморье, 1915. – 300 с.
7. *Садовской Б.А.* Стихи для Лидии Глазовой // Архив М.А. Яхонтовой. – С. 1–7.
8. *Садовской Б.А.* Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. – 398 с.
9. *Страницы родословной Званцевых.* МБУК «Гуманитарный центр – библиотека имени семьи Полевых» (Иркутск). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hcenter-irk.info/content/stranicy-rodoslovnoy-zvancevuyh> (дата обращения: 13. 03. 2018).
10. *Яхонтова М.А.* Письмо А.А. Новиковой // Архив Ю.А. Изумрудова. – 8 с.

Литература

1. *В.А. Багадуров* // Музыкальная энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, Советский композитор, 1973–1982. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_music/669/%D0%91%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 13. 03. 2018).
2. *Изумрудов Ю.А.* Историко-литературный и биографический комментарий к письму Б.А. Садовского Е.А. Садовской // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – №2. – С. 224–232.
3. *Изумрудов Ю.А.* К вопросу об издании литературного наследия Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 6. – С. 181–189.
4. *Изумрудов Ю.А.* Неизвестная «онегинская» поэма Бориса Садовского // Болдинские чтения–2018. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 171–179.

5. Изумрудов Ю.А. Неизвестный Борис Садовской в архиве М.А. Яхонтовой // Известия Российской академии наук (Серия литературы и языка). — 2018. — Том 77. — № 6. — С. 54–59.

6. Панкратов В.М. Исповедь интеллигента. — Саров: Интерконтакт, 2016. — 80 с.

**«THOSE DAYS WHEN ON THE THRESHOLD
OF “THE PARADISE...”»:
BORIS SADOVSKOY AND HIS POEM «VENIAMIN TERNOVSKY»**

© **Izumrudov Yuriy Aleksandrovich (2019)**, orcid.org/0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, PhD in Philology, associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), izumrud.nnov@mail.ru

In accordance with the plans to prepare a scientific collection of B.A. Sadovskoy's works, the author is working to acquaint readers with previously unknown texts of the poet. This article provides the first publication of the poem "Veniamin Ternovsky", referring to the initial period of Sadovskoy's literary activity. The subject of the research is the creative history and the prototypical basis of this work. The purpose of the article is to create a detailed commentary on the poem, reflecting its connection with the biography and work of the poet, as well as with Pushkin's literary context. The study is based on the materials of the manuscript of the poem, the memoirs and the epistolary of its curator, Moscow philologist M.A. Yakhontova, published collections of poems by Sadovskoy. It was discovered that the prototypes of the characters in the poem were real individuals, whom Sadovskoy met in "Rai (Paradise)" — the Vladimir Realschule of Nizhny Novgorod, a favorite place of young people of pre-revolutionary years. Among them, there was Lydia Glazova, who played a special role for the poet, and to whom Sadovskoy dedicated a number of poems. Some of them are published for the first time. The author emphasizes the importance of "Veniamin Ternovsky" for Sadovskoy's creative self-determination: the poem revealed such features of the poet's original style as a satirical-parody syllable, a caricature style, grotesque, the use of a literary game and a mask. Numerous intertextual links of the poem with "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin testify of Sadovskoy's attention to Pushkin's literary heritage, an interest in which has become the general trend of cultural life at the turn of the 19th and 20th centuries. The work is of undoubted interest to the researchers of the work of B.A. Sadovskoy, due to the fact that it deals with the aesthetic evolution of his poetry, as well as for specialists in the field of literary and historical regional studies.

Keywords: B.A. Sadovskoy, collected works, «Veniamin Ternovsky», the first publication, Lidia Glazova, M.A. Yakhontova, the diary of Elizaveta Sadovskaya, Zvantsevy, Anatoly Glazov.

Sources

1. *Pushkin A.S. Evgenij Onegin* // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. – T. 5. – Leningrad: Nauka, 1978. S. 5–184. (In Russ.)
2. *Sadovskaya E.A. Dnevnik. 1899 –1903* // Arhiv N.A. YAkovlevoj. – 314 s. (In Russ.)
3. *Sadovskaya E.A. Dnevnik.1904–1905* //Arhiv N.A. YAkovlevoj. – 225 s. (In Russ.)
4. *Sadovskoj B.A. «Vesy» (Vospominaniya sotrudnika)* // Minuvshee: Istoričeskij al'-manah. – Vyp. 13. – Moskva; Sankt-Peterburg: Atheneum: Feniks, 1993. – S. 7–53. (In Russ.)
5. *Sadovskoj B.A. Moroznye uzory: Stihotvoreniya i pis'ma.* – Moskva: Vodolej, 2010. – 568 s. (In Russ.)
6. *Sadovskoj B.A. Polden'.* – Petrograd: Lukomor'e, 1915. – 300 s. (In Russ.)
7. *Sadovskoj B.A. Stihi dlya Lidii Glazovoj* // Arhiv M.A. YAhontovoj. – S. 1–7. (In Russ.)
8. *Sadovskoj B.A. Stihotvoreniya, rasskazy v stihah, p'esy i monologi.* – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2001. – 398 s. (In Russ.)
9. *Stranicy rodoslovnoj Zvancevyh.* MBUK “Gumanitarnyj centr – biblioteka imeni sem'i Polevyh” (Irkutsk). Available at: <http://hcenter-irk.info/content/stranicy-rodoslovnoy-zvancevyh>. (In Russ.)
10. *YAhontova M.A. Pis'mo A.A. Novikovoj* // Arhiv YU.A. Izumrudova. – 8 c. (In Russ.)

References

1. *V.A. Bagadurov* // Muzykal'naya ehnciklopediya. – Moskva: Sovetskaya ehnciklopediya, Sovetskij kompozitor, 1973–1982. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_music/669/%D0%91%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2. (In Russ.)
2. *Izumrudov Yu.A. Istoriko-literaturnyj i biograficheskij kommentarij k pis'mu B.A. Sadovskogo E.A. Sadovskoj* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2018. – №2. – S. 224–232. (In Russ.)
3. *Izumrudov Yu.A. K voprosu ob izdanii literaturnogo naslediya Borisa Sadovskogo* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2017. – № 6. – S. 181–189. (In Russ.)
4. *Izumrudov Yu.A. Neizvestnaya «oneginskaya» poehma Borisa Sadovskogo* // Boldinskije chteniya–2018. – Nizhnij Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2018. – S. 171-179. (In Russ.)

5. *Izumrudov Yu.A.* Neizvestnyj Boris Sadovskoj v arhive M.A. YAhontovoj // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk (Seriya literatury i yazyka)*. – 2018. – Tom 77. – № 6. – S. 54-59. (In Russ.)
6. *Pankratov V.M.* Ispoved' intelligenta. – Sarov: Interkontakt, 2016. – 80 s. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.01.2019